

пожелавшего смерти Сталину в стихотворении, написанном ещё в 1935 году, едва ли была эта вера изначально. И колеблется, рушится эта вера в столкновении с реальной действительностью, меркнут светлые идеалы, когда гибнут люди, ломаются человеческие судьбы. Герой «Синели» откликается на призыв к общественному покаянию, но навсегда теряет свою первую и единственную любовь. Герой повести «Почём в Ракитном радости» внимает призыву к критике – и коверкается вследствие компетентных преследований жизнь его родственника. Столкновение идеологий, причём, не просто новой и старой, а исконно русской простой человеческой духовности, сформированной на понятиях о добре и зле, с коммунистической идеологией, в которой эти понятия извращены, звучит как тема в большинстве его произведений, он прослеживает её, изображая человека на фронте, в плену («Убиты под Москвой», «Седой тополь»), пытаюсь, в конце концов, определить, чем руководствовался наш человек в невероятно тяжких условиях, что объединяло вчерашних идейных противников в стремлении победить внешнего врага («Мой друг Момич», «Ермак»).

И видишь, что это русское патриотическое начало. Патриотизм героев Воробьёва есть и в книге о героях 1812 года, и в образе родной курской природы, в образах родных и близких, часто подающих герою из глубин памяти надежду и примеры поведения.

Вот в бою, когда время особенно быстротечно, будучи на волосок от гибели, основательно готовится Алексей к поединку с немецким танком: собирает оружие, бутылки с горючей смесью, аккуратно складывает в углубления... А танк всё ползёт на него – и Алексей, смочив бензином, поджигает паклю, и ругает танк, как ругался когда-то дед, и помнит при этом, что попасть бутылкой нужно в наиболее уязвимую часть танка, которую наши солдаты называли «репицей»⁶. Не только ругательство, сам образ поведения в сложной ситуации, аккуратность и основательность восприняты им от деда в том далёком уже детстве. Именно воспоминания лежат в основе того, что даёт герою Воробьёва силы биться за Родину, жизнестойкость, уверенность в победе. В данном же случае это самое «то» просто просится быть названным патриотизмом.

Несколько позже о памяти заговорит Чингиз Айтматов в «Плахе», в легенде о манкуртах, лишённых памяти и потому жестоких, не знающих ни любви, ни сострадания, ни жалости. Только память – в основе любви к ближнему и к Родине, в основе всего того, что принято называть человеческим, – как бы вторя друг другу, говорят оба писателя.

Что же касается Константина Воробьёва, то к теме памяти в его произведениях обращался так или иначе каждый, кто анализировал их. Памяти как особому моменту его творчества посвятил И. Золотусский свою работу «Очная ставка с памятью»⁷. Курский литературовед Е. М. Евглевский в статье «Мотив памяти в военной прозе К. Д. Воробьёва»⁸ рассматривает память как

⁶ Хвостовая часть позвоночника животного // Словарь совр. рус. лит. яз. / ред. В. П. Фелицына и В. П. Шмелева. – Москва, 1961. – Т. 12. – Стлб. 1232

⁷ Золотусский, И. Очная ставка с памятью / И. Золотусский // Лит. обозрение. – 1981. – №4. – С. 27-33

⁸ Евглевский, Е. М. Мотив памяти в военной прозе К. Д. Воробьёва / Е. М. Евглевский // Курские тетради / отв. Ред. А. Т. Хроленко. – Курск, 1997. – Тетр. 1. – С. 64-69